

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

А. А. СТАРИКОВ

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(А. В. Болдырев и П. Я. Петров)

І. Московское востоковедение на рубеже XIX в.

Востоковедение и официальное преподавание восточных языков в Московском университете датируется началом XIX в. Однако необходимость и неизбежность изучения восточных языков сознавались со времени основания университета.

«Проект об учреждении Московского университета», представленный императрице Елизавете II. Шуваловым, предусматривал изучение в университете восточных языков. В последнем, 45-м пункте «Проекта» говорится: «Ориенталские языки могут також быть учены со временем, когда будут довольны университетские доходы и сысканы достойные к тому учителя»¹. Иначе говоря, в будущем утверждается и восточная филология, востоковедение.

Какие восточные языки имел в виду подлинный автор проекта, представленного И. Шуваловым, — настоящий основатель Московского университета М. В. Ломоносов? Вероятно, предполагалось вслед за греческим (обучение которому оговорено особо) начать изучение древнееврейского и арабского языков, а затем персидского, санскрита и, возможно, турецкого. Речь идет о научном, филологическом изучении этих языков с помощью «достойных к тому учителей», а не случайных, недостаточно грамотных людей.

¹ Полный текст «Проекта» по подлиннику архива сенатской канцелярии опубликован в кн. Н. А. Пенчко, *Основание Московского университета*, М., 1953, Приложение № 2, стр. 151—160. В кн. М. Г. Белявского, *Ломоносов и основание Московского университета*, М., 1955, также дан текст «Проекта», но по более поздней копии.

При установлении фактического начала изучения восточных языков в Московском университете, еще до оформления кафедры восточных языков, следует принять во внимание, что преподавание наук в Московском университете не замыкалось в рамки факультетских программ и академических лекций «действительным студентам», а выходило за пределы официальной аудитории. Сверх академических лекций студентам профессора и преподаватели «всем желающим давали частные уроки».

В планах университетского преподавания наряду с философией, которой отводилось первое место, «обращаемо было особенное внимание на изучение древних языков, как вернейших средств к усовершенствованию ума, вкуса и достижению основательности в мыслях и словах»². К древним языкам (и не только к греческому и латинскому) обращалось и официальное богословие. Среди этих языков был язык Библии — древнееврейский, а также арабский (как язык средневековых комментаторов Аристотеля и даже язык Корана, с которым полемизировали богословы). Несколько позднее к числу «древних языков» были отнесены санскрит, «zend» (пехлеви), персидский и китайский языки. Но на рубеже XVIII—XIX вв. основным в зарождающемся востоковедении было изучение древнееврейского языка и Библии. В Московский университет нередко зачислялись студентами бывшие питомцы Троицкой семинарии и Спасского духовного училища, из которых кое-кто мог в новых университетских условиях, используя частные уроки и эрудицию профессоров, обратиться к изучению подлинных языков Библии и Корана.

Нельзя не упомянуть здесь одного из первых деятелей Московского университета, Йоганна-Маттиаса Шадена. Уроженец Венгрии, воспитанник, а затем доктор философии Тюбингенского университета, где он среди других наук изучал филологию, еврейский и греческий (?) языки у известного семитолога Шнуррера, Шаден в 1756 г. был приглашен для работы в только что основанный Московский университет. Более сорока лет пробыл он ректором «обеих Гимназий» и лектором университета на философском, позднее на юридическом факультете. Кроме философии и права, Шаден преподавал греческий язык, древности, логику и метафизику (включая краткое введение в эстетику) и факультативно — геральдику и нумизматику.

Шаден был выдающейся фигурой в ранней истории Москов-

² «Ученые записки ИМУ», 1834, ч. IV, стр. 343—344.

ского университета³, пользовался официальным научным авторитетом. Деист-богослов и апологет «просвещенного самодержавия», он высоко ценился в правительственных кругах.

По-видимому, Шаден был хорошим лектором и организатором, оставившим добрую память среди своих многочисленных учеников, в числе которых мы видим Карамзина, Фонвизина, Муравьева (будущего куратора Московского университета).

Для нас сейчас интересны в первую очередь востоковедческие познания Шадена и его педагогическая работа в этой области. К сожалению, о последней мы не имеем почти никаких сведений.

В «Каталоге лекций на зимний семестр 1757 года» (т. е. в первый же год по приезде Шадена в Россию) говорится, что ректор Шаден «в дворянской гимназии риторике, пиитике, мифологию... весь курс философии кратко прочтет. Притом и тех по возможности удовлетворяет, которые высших и лучших желают наук, как-то греческого языка, древностей римских и греческих. А есть ли найдутся, которые восточным языкам еврейскому и халдейскому учиться и оных древности рассмотреть пожелают, то он им не только в филологию руководство тех восточных языков, но и особенное наставление в языках еврейском и халдейском преподаст». Во время работы Шадена в университете там велось, по-видимому, обучение студентов восточным языкам. Так, среди неопубликованных университетских протоколов XVIII в. на латинском, немецком и французском языках имеются прямые указания на фактическое преподавание восточных языков с первых лет существования университета. В протоколе от 1 июня 1758 г., например, упоминается вознаграждение в сто рублей информатору Ивану Рехту за «обучение учеников греческой и еврейской грамоте и письму»⁴.

Сведений о преподавании восточных языков самим Шаденом у нас нет, хотя «Биографический словарь» в 1855 г. в разделе «восточные языки» называет три имени: Шаден, Болдырев и Петров. Два последних были официальными представителями, профессорами кафедры восточных языков, Шаден же, вероятно, был указан как фактический преподаватель восточных языков еще до учреждения кафедры.

³ Юбилейный «Биографический словарь профессоров и преподавателей ИМУ», М., 1855 (далее — «Биографический словарь ИМУ») посвящает Шадену 16 страниц (т. II, стр. 558—574), а в хронологическом списке профессоров университета Шаден (1756—1797) стоит на третьем месте после учеников Ломоносова: Поповского и Барсова (т. I, стр. IV).

⁴ Этой справкой автор обязан любезности Н. А. Пенчко, новая книга которой «Документы по истории Московского университета (XVIII век)» готовится к выходу в свет в издании МГУ.

В заключение можно еще отметить значение библиотеки Шадена, которая не могла не иметь книг по восточной филологии. В «Истории Императорского Московского университета» (1755—1855) С. Шевырева указано, что в связи с посещением университета Александром I были установлены пенсии, в том числе «вдове профессора Шадена с 25 марта 1804 г. по 500 рублей, да за принятую от нее в Университет библиотеку по 700 рублей...»⁵. Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал в новом Отделении словесных наук наряду с пятью другими кафедрами штатную кафедру восточных языков.

Учреждение кафедры восточных языков было в сущности официальным оформлением фактического изучения восточных языков в стенах Московского университета. В «Обзрении преподавания в 1805—1807 годах» С. Шевырев пишет о некоем Гаврилове, который «читал критически русские сочинения в стихах и прозе... беседовал о еврейской поэзии по руководству Гердера»⁶.

Матвей Гаврилович Гаврилов (1759—1829), воспитанник университета и с 1811 г. его профессор, был также видным деятелем Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских. Ему принадлежат статьи «Разбор (эстетический) и объяснение псалма XII» и «Изъяснение первой песни Моисеевой по прехождении Израильтян через Чермное море». В «Биографическом словаре ИМУ» о Гаврилове сказано: «Матвей Гаврилович, долго изучавший Св. Писание по руководству Ловта и Гердера, любимых его писателей, хотел было предложить Обществу словесности разборы других псалмов и других мест из книги Иова, Исаяи и Иеремии; но пристрастные толкования людей, не понявших важности и достоинства сих трудов, воспрепятствовали ему исполнить обещания свои Обществу»⁷. По-видимому, историческое и эстетическое толкование «священных текстов» было признано нежелательным.

Начало XIX в. в истории востоковедения знаменательно государственным признанием важности этой области науки. Разрабатывается замечательный проект создания Азиатской академии, возникает Азиатский музей в Петербурге, создается новый университетский устав 1804 г., узаконивший кафедру восточных языков. В провинции кафедры восточных языков замещаются даже раньше, чем в Москве: в Харькове — в 1805—1806 гг., в Казани — в 1807 г. В Московском универси-

⁵ С. Шевырев, *История Императорского Московского Университета*, М., 1855, стр. 389 (далее — *«История ИМУ»*).

⁶ *«История ИМУ»*, стр. 366.

⁷ *«Биографический словарь ИМУ»*, ч. I, стр. 172.

тете в момент опубликования нового устава не было подходящей кандидатуры. Первым официальным представителем востоковедения в Московском университете следует считать руководителя вновь открытой кафедры восточных языков Алексея Васильевича Болдырева, впоследствии ректора университета.

II. А. В. Болдырев и его ученики

С именем А. В. Болдырева связана яркая страница в истории московского востоковедения — возникновение «Московской школы», созданной им и захиревшей после его смерти (А. В. Болдырев был уволен в отставку и скончался в нужде 17 августа 1842 г.).

К сожалению, о жизни и деятельности А. В. Болдырева мы располагаем очень скудными сведениями — данными, которые приводятся в различных биографических и энциклопедических словарях («Русском биографическом словаре», энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «Биографическом словаре ИМУ»), и архивными данными о «прохождении службы».

А. В. Болдырев родился 16 марта 1780 г. в семье скромного штаб-лекаря. В 1798 г. он был зачислен в Московскую университетскую гимназию, где и обучался до 1801 г. «латинскому, греческому, французскому и английскому языкам, истории, географии и чистой математике».

С 1801 г. Болдырев учился в Московском университете, сначала на юридическом, потом на философском факультетах. Занимался он успешно, что видно из «изъявления особой похвалы от Совета студентам Болдыреву (и др.)» в связи с полувековым юбилеем университета в 1805 г. Известно, что студентом Болдырев сотрудничал в университетском издании «Новости русской литературы».

В 1805 г. Болдырев получает звание «кандидата новейшей литературы», а в 1806 г. — «магистра философии и свободных наук». В том же 1806 г. А. В. Болдыреву за перевод еврейской грамматики «пожалована» от имени Александра I золотая табакерка. Тогда же его посылают за счет университета за границу для изучения восточных языков.

Несомненно, работа Болдырева над переводом еврейской грамматики не случайна, а закономерна в стенах университета, связана с традициями Шадена и «штудиями» упомянутого М. Г. Гаврилова.

«Высочайшее поощрение» перевода древнееврейской грамматики отражало интерес правительственных кругов к рождающейся в Московском университете восточной филологии.

Поездка за границу, личное общение с выдающимися представителями европейского востоковедения (Эйхгорном, С. де Саси и др.) — все это оказалось очень плодотворным для А. В. Болдырева. Особенно ценным было его пребывание в Париже, в школе крупнейшего арабиста и ираниста Сильвестра де Саси (1758—1838), известного в России своими теоретическими трудами по лингвистике. Вместе с тем характерно, что А. В. Болдырев, расширяя свои знания по востоковедению, не оставляет специальности языковеда-русиста. В Германии вместе с лингвистом Фатером, примыкавшим к школе С. де Саси и работавшим над грамматикой русского языка, Болдырев занимается проблемой русского глагола.

В Геттингене в 1808 г. Болдырев издает свой первый текстологический труд «*Duae Moallakat Antarae et Harethi*» — тексты «моаллак» Антары и Хариса.

Когда Болдырев вернулся из заграничной командировки, точно неизвестно. Но достоверно, что в 1811/12 г. Болдырев приступил в университете к преподаванию еврейского и арабского языков. Война 1812 г., эвакуация университета и пожар Москвы прервали начатую работу. В августе 1813 г. лекции в университете возобновились и Болдырев в числе других преподавателей продолжал вести те же предметы. Болдырев преподавал в университете вплоть до своей вынужденной отставки в 1837 г. Адъюнкт кафедры восточных языков в 1811 г., с 1815 г. он — экстраординарный профессор, с 1818 г. — ординарный профессор; с 1832 г. — декан словесного отделения и ректор университета. Наряду с основной работой в Московском университете А. В. Болдырев был в 1819 г. членом Училищного комитета, до 1818 г. преподавал русскую словесность в Училище ордена св. Екатерины. Болдырев был членом английского Королевского Азиатского общества (Royal Asiatic Society).

Как ректор университета Болдырев являлся цензором периодических изданий Московского университетского округа, что и оказалось причиной его последующих бедствий. Когда в 1836 г. в № 15 «Телескопа» появилось знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, Болдырев был арестован, после годичного тюремного заключения исключен из числа преподавателей Московского университета и с «волчьим билетом» уволен в отставку без пенсии «за нерадение к службе». С этого момента в официальных источниках прекращаются какие-либо упоминания о Болдыреве. «Профессор Болдырев скончался в отставке в 1842 г. 17 августа в Москве», — кратко говорится в юбилейном «Биографическом словаре».

С отставкой А. В. Болдырева по существу прекратила существование и кафедра Восточных языков.

Остановимся на научной деятельности А. В. Болдырева. Вернувшись в Россию, Болдырев много внимания уделяет разработке вопросов русского языкознания. Он выступает как один из учредителей Общества любителей российской словесности, печатает в трудах общества свои оригинальные работы, в том числе и известное «антиломоносовское» рассуждение о русских глаголах. Деятельность Болдырева, как это отмечается в юбилейной «Истории Императорского Московского университета» С. Шевырева (стр. 458), связана с «блистательным периодом Общества, с изданиями многочисленных выпусков „Трудов Общества любителей российской словесности“».

Говоря о Болдыреве-слависте, можно отметить, что его оригинальные работы немногочисленны — всего несколько статей в «Трудах ОЛРС»⁸ — и не отражают всей его большой деятельности в этом направлении.

В печатных работах А. В. Болдырева преобладают восточковедные темы, однако его оригинальные исследовательские работы относятся к области русской словесности, а труды по востоковедению представляют в основном учебные пособия.

Причины этого будут ясны, если обратиться к анализу работ А. В. Болдырева как филолога и востоковеда.

В «Обозрении преподавания за 1814—1826 годы» сказано: «Болдырев читал вкратце историю евреев и арабов, о религии, законах, проходил еврейские древности по руководству Яна, еврейскую грамматику, объяснял отборные места из Ветхого и Нового завета, и далее обучал арабскому языку по своей литографированной хрестоматии и персидскому, объяснял избранные места из Тути-наме и Цветника Садиева»⁹.

Прежде всего бросается в глаза многообразие преподаваемых предметов: история, история религии, три восточных языка (древнееврейский, арабский и персидский). А. В. Болдырев выступает перед нами как представитель раннего поколения ориенталистов-филологов, но вместе с тем и энциклопедистов поневоле. К востоковедам этого периода относится известное замечание Т. Нельдеке «Jeder Orientalist muss Mädchen für alles sein». Вот таким «мастером на все руки» и был А. В. Болдырев на заре московского востоковедения.

⁸ См. А. В. Болдырев, *Рассуждения о глаголах*, — «Труды ОЛРС», 1812, № 2; А. В. Болдырев, *Об издании словопроизводственного русского словаря*, — там же, 1817, № 8; А. В. Болдырев, *Нечто о сравнительной степени*, — там же, 1819, № 15.

⁹ «История ИМУ», стр. 449.

Представляя в своем лице всю кафедру, А. В. Болдырев должен был расширять круг преподаваемых дисциплин, чтобы воспитать себе смену, помощников по кафедре из числа своих же учеников. Подобная цель не могла быть достигнута без создания учебных пособий, и это определило характер восточноведной работы Болдырева. Любопытно, что, хотя преподавание еврейского языка было вначале основным в педагогической нагрузке Болдырева, среди его печатных работ пособий по этому языку нет. По-видимому, в них не было недостатка. Иначе обстояло дело с пособиями по языкам арабскому и персидскому — их вовсе не было, и, естественно, их начал готовить для себя А. В. Болдырев. Нужно было самое основное: тексты, подсобные словари, элементарные грамматики. И вот в 1824 г. вышли (в литографированном издании) «Арабская хрестоматия» (in 4°, 4+80 стр. арабского текста) Болдырева и текст «Приключения одного невольника» Арабши. В 1827 г. Болдырев издает «Краткую арабскую грамматику» в таблицах (in 4°, 1+28 стр. и XII таблиц). В 1832 г. выходит второе издание «Таблиц» (in 8°, 52 стр.). В том же году вышли «Семь моаллакат» — арабский текст с латинским и французским переводами иностранных ориенталистов (in 8°, 1+54 стр.). Наконец, в 1836 г. был издан «Словарь к новой арабской хрестоматии и краткая арабская грамматика» (in 8°, 199 стр.).

Болдырев осуществляет ряд изданий по персидскому языку: в 1826 г. выходит литографированная «Персидская хрестоматия» в двух частях: ч. I — тексты и ч. II — словарь и грамматика (в 1833/34 г. вышло второе печатное издание «Хрестоматии», исправленное и значительно дополненное, в трех частях).

Сюда же можно прибавить переводы Болдырева: с арабского — «Элегия»¹⁰ и «Нравоучительные изречения»; с персидского «Мечжун и Леила»¹¹ и «Могамедово путешествие на небо»¹². Интересна оценка трудов А. В. Болдырева, данная его современником и преемником по кафедре П. Я. Петровым. Перечисляя в статье в юбилейном «Биографическом словаре ИМУ» основные восточноведные труды А. В. Болдырева, П. Я. Петров замечает о первом издании «Арабской хрестоматии»: «Выбор очень хорош: в расположении статей соблюдена последовательность и почерк вообще четок». О «Краткой арабской грамматике» сказано: «Составлена по грамматике Сильвестра де Са-

¹⁰ «Вестник Европы», 1811, № 17.

¹¹ Там же, 1811, № 16.

¹² Там же, 1815, № 5—6.

си и содержит в самом сжатом виде то, что нужно для приготовления себя к чтению текстов; в ней нет ничего лишнего и, кроме этимологии, есть даже примеры на важнейшие правила арабского синтаксиса. Одним словом, она удовлетворительна для начинающих; заметим, однако же, что при алфавите выговор некоторых букв выставлен неверно»¹³.

П. Я. Петров отмечает лишь отсутствие текстов, извлеченных из рукописей, да некоторые фонетические и транскрипционные неточности, но отдает должное достоинствам изданий А. В. Болдырева как учебных пособий.

Наша оценка востоковедных трудов А. В. Болдырева в сущности совпадает с оценкой П. Я. Петрова. Основное критическое замечание в адрес учебных пособий Болдырева — это то, что тексты в его хрестоматиях старые, уже изданные в хрестоматии Сильвестра де Саси и антологии Гумберта. Включить новые, не изданные за границей тексты и тем самым поднять научное значение хрестоматии А. В. Болдыреву, вероятно, мешала перегруженность, некоторая разбросанность и вместе с тем необходимость подготовить пособия как можно скорее. Необходимо отдать должное энергии А. В. Болдырева и достоинствам его учебных пособий, обеспечивших дальнейшую работу созданной кафедры восточных языков.

Издание восточных текстов в то время было сопряжено со значительными трудностями: не хватало шрифтов, квалифицированных типографских рабочих. Эти неполадки, равно как и большая загруженность А. В. Болдырева, не могут не снять некоторых упреков его изданиям. Думается, он сделал, что мог в тех условиях.

Совершенно очевидно, что работа по подготовке учебных пособий не оставляла А. В. Болдыреву возможности планомерной научно-исследовательской работы и работы над переводами. То немногое, что переводил Болдырев, относится к раннему периоду его деятельности, когда он не был еще так загружен.

Вместе с тем постановке научной работы по востоковедению в Москве мешало отсутствие востоковедной библиотеки и рукописных фондов. В Петербурге, как известно, такие фонды были созданы с организацией Азиатского музея (1818) и приобретением рукописных коллекций Руссо (1819, 1825), Ардебильского собрания (1829) и собрания Италинского (1838).

Подводя итог, можно сказать, что А. В. Болдырев в период становления востоковедения в стенах Московского университета

¹³ «Биографический словарь ИМУ», стр. 97.

был центральной фигурой в этой области науки. Его учебные пособия по арабскому и персидскому языкам послужили важнейшим фактором в истории всего русского востоковедения, обеспечивая преподавание и изучение этих языков. Академик И. Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики» говорит: «Болдырев впервые дал пособие (речь идет об арабской хрестоматии. — А. С.), которое считалось с достижениями науки того времени и в двух изданиях разошлось, без преувеличения, по всей России»¹⁴.

Эти слова, относящиеся к арабской хрестоматии, можно отнести и к персидской хрестоматии А. В. Болдырева: она была единственным пособием вплоть до выхода в свет «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гаффарова¹⁵.

Таким образом, учебные пособия А. В. Болдырева обеспечивали изучение и преподавание в России арабского и персидского языков многие десятилетия (до начала XX в.).

Хрестоматии А. В. Болдырева, как это отмечал И. Ю. Крачковский, стали источником появившихся в альманахах того времени переводов Болдырева и его учеников. Сам А. В. Болдырев, правда, переводил мало, да и то в ранний период своей деятельности. В 1811 г. он печатает в «Вестнике Европы» несколько небольших прозаических переводов с арабского и персидского. В этих работах заметно стремление дать гладкий, понятный для широкого круга читателей того времени, но не искажающий подлинника перевод.

Переводы Болдырева с персидского отличаются тщательно отработанным стилем и точностью, не вредящей литературности.

Среди других переводов — «Нравоучительные изречения», перевод восемнадцати широкоизвестных пословиц и поговорок, текст которых помещен в «Арабской хрестоматии» Болдырева.

Несколько позднее, в марте 1815 г., Болдырев поместил в «Вестнике Европы» статью «Могамедово путешествие на небо», содержащую пересказ мусульманских легенд.

То немногое, что сделано Болдыревым по Востоку в плане литературном, относится к 1811—1815 гг., т. е. к начальному, почти студенческому периоду деятельности А. В. Болдырева. Очевидно, в дальнейшем его работа в университете не оставляла времени для литературных «ориентальных» опытов.

¹⁴ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М., 1950, стр. 80 (далее — Крачковский, *Очерки*).

¹⁵ М. А. Гаффаров, *Образцы персидской письменности*, М., 1906.

Можно ли говорить о московском востоковедении этого периода как о московской школе, школе Болдырева? Академик И. Ю. Крачковский считает, что немногие ученики Болдырева «рассеялись», «сошли со сцены» одновременно с ним¹⁶. Однако независимо от судьбы Болдырева и его учеников работа кафедры восточных языков была весьма значительной по результатам (хотя бы по выпускавшейся печатной продукции). К 30-м годам у А. В. Болдырева были уже ученики, включившиеся в работу кафедры. Правда, с отставкой Болдырева, его гибелью действительно рассеялись и его сотрудники (хотя сама кафедра восточных языков и не была упразднена). Что эти сотрудники — ученики А. В. Болдырева — существовали, подтверждается документами того времени.

В обзоре преподавания в университете за 1825—1835 гг. С. Шевырев отмечает: «...Болдырев преподавал основания арабского языка и объяснял арабскую хрестоматию... с 1828 по 1833 год... ему помогали в преподавании языка кандидат Коркунов, а с этого [1833] года кандидат Коноплев»¹⁷.

Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858), в будущем экстраординарный академик Отделения русского языка и словесности, известный историк-археолог, был, по-видимому, первым помощником А. В. Болдырева по кафедре восточных языков. Питомец Московского университета, в 1827 г. удостоенный медали за работу по русской истории, избранный в члены-соресновователи Общества истории и древностей российских, М. А. Коркунов тем не менее остается в университете по кафедре восточных языков. В августе 1828 г. Коркунов был назначен преподавателем арабского языка в Московском университете. С 1836 г. М. А. Коркунов переходит на работу в Петербург, занимаясь русской историей, археологией и древней (преимущественно восточной) географией. И. Ю. Крачковский отмечает в исторических работах Коркунова первые опыты привлечения арабских источников. М. А. Коркунов — ученик А. В. Болдырева — отдал дань и русскому «художественному ориентализму»: в числе его ранних печатных работ упоминается перевод с арабского «Чертоги Майи» (фрагмент касиды Набиги Зобьянского). Если М. А. Коркунов был только отчасти связан с историей востоковедения в Московском университете, то его преемник в роли преподавателя арабского языка Коноплев был настоящим востоковедом, основным после Болдырева представителем кафедры восточных языков.

¹⁶ Крачковский, *Очерки*, стр. 83.

¹⁷ «История ИМУ», стр. 553.

Николай Гаврилович Коноплев, специально посланный для усовершенствования в восточных языках в Петербург, закончил там «полный курс» арабского, персидского и турецкого языков. С 1833 г. Н. Г. Коноплев начинает преподавать арабский язык на кафедре восточных языков под руководством Болдырева. Есть сведения, что Н. Г. Коноплев значительно расширил базу преподавания арабского языка, введя практику переводов с русского на арабский.

Продолжая традиции Болдырева, Коноплев выступал как переводчик, готовил перевод «Гулистана» и «Тути-наме». И. Ю. Крачковский особо отмечает его перевод с персидского «Спора о красавице»¹⁸.

В своей большой статье «Рассуждение о духе, богатстве языка и поэзии арабов»¹⁹ Н. Г. Коноплев говорит о своих планах переводов с восточных языков и других незаконченных работах. Так, он указывает, что почти полностью перевел на русский язык «Арабскую грамматику» Маронита Фергата и составляет «обзор поэтов арабских». Эти сведения позволяют представить Н. Коноплева — молодого ученого, более специалиста, чем некоторые его предшественники, энциклопедисты «поневоле».

У Болдырева было много учеников-«слушателей». Среди них упомянем лишь Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877), поэта, писателя и переводчика, знавшего ряд европейских и восточных языков. Ознобишин слушал лекции А. В. Болдырева и еще изучал арабский и персидский языки у некоего «ученого муллы». В дальнейшем Д. П. Ознобишин выступал с литературными и научно-популярными статьями и переводами в различных изданиях («Северная лира», «Сын стечества» и др.), печатал также стихи. Интересны его популярные статьи и заметки по искусству и литературам Востока, особенно его переводы с арабского и персидского (Хафиза, Низами и др.), публиковавшиеся большей частью под псевдонимом «Делибюрадер».

Д. П. Ознобишин, несомненно, — наиболее крупный представитель «художественного ориентализма», связанный с московской школой А. В. Болдырева.

Таким образом, московская школа Болдырева в востоковедении все же существовала, но после катастрофы 1836 г. представляла собой не более чем «осколки разбитого вдребезги». Некоторые из таких «осколков» остались в поле нашего зре-

¹⁸ «Вестник Европы», 1825, апрель.

¹⁹ «Ученые записки ИМУ», 1834, ч. V—VII.

ния. Востоковедные моменты в их деятельности позволяют установить иногда лишь вероятную связь с кафедрой восточных языков Московского университета, с работой А. В. Болдырева.

Кафедра восточных языков Московского университета, организованная в 1804 г., фактически существовала с 1811 по 1836 г. После 16-летнего перерыва в истории московского университетского востоковедения она вновь начала функционировать как кафедра санскрита с переводом из Казанского университета П. Я. Петрова.

III. П. Я. Петров

Павел Яковлевич Петров (1814—1875) был вторым, после Болдырева, официальным представителем кафедры восточных языков Московского университета. С именем и деятельностью П. Я. Петрова связан новый период в истории московского университетского востоковедения, точнее, восточной филологии. П. Я. Петров как лингвист-полиглот, изучавший языки Дальнего Востока, Индии и множество других, разумеется, выходит за пределы «классического» русского востоковедения, в основу которого ложилось знание языков мусульманского Востока: арабского, персидского и турецкого. Однако в нашем обзоре мы остановимся главным образом на роли П. Я. Петрова в истории восточной филологии в Московском университете в упомянутом «традиционном» объеме ²⁰.

Павел Яковлевич Петров родился в 1814 г. в Петербурге, но в дальнейшем вместе с семьей переселился в Москву. В 1828 г. он поступил в Московский университет.

Знаменательна для этого студенческого периода жизни П. Я. Петрова его дружба с В. Г. Белинским, связь с кружком Н. В. Станкевича. Это важнейший факт в биографии молодого востоковеда. Его переписка с Белинским, где он восторженно говорит о своих петербургских занятиях с Френем, Сенковским, Шармуа и др., дает нам ценные сведения об этом периоде жизни молодого ученого, совершенствовавшегося в восточных языках в Петербурге по окончании в 1831 г. курса в Московском университете ²¹.

²⁰ Труды П. Я. Петрова в области санскритологии и сравнительного языкознания освещены в статье А. С. Шофман, *Русский санскритолог П. Я. Петров* в настоящем сборнике. В связи с этим раздел III настоящей статьи печатается с сокращениями.

²¹ См. И. Ю. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова к В. Г. Белинскому*, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 7—22 и библиографию работ Н. Л. Бродского, М. Полякова и других авторов по В. Г. Белинскому.

Занятия санскритом вскоре увлекли П. Я. Петрова настолько, что его первой представленной в 1837 г. в академию работой оказался санскритский литературный текст с русским переводом и грамматическим комментарием — «*Sitaharanām*» («Похищение Ситы»). В 1838 г. П. Я. Петров сдал испытание в «мусульманских языках» особому комитету (с участием Сенковского), получив удовлетворительные оценки «по всем трем языкам» (т. е. по арабскому, персидскому и турецкому) и заграничную командировку. За два года заграничной командировки, занимаясь с Боппом, Ритером, Жобером, Бюрнуфом и другими светилами западноевропейского востоковедения, Петров, по его словам, «преимущественно обращал внимание на язык брахманов». В 1840 г. Петров вернулся в Россию и получил назначение на кафедру санскритской словесности Казанского университета.

Только в 1852 г. П. Я. Петров перешел в Московский университет, возглавив кафедру санскрита, которая вскоре стала вновь кафедрой восточных языков, так как П. Я. Петров ввел преподавание арабского, персидского и еврейского.

Возглавлявший с 1841 г. казанскую, а с 1852 г. московскую кафедру санскрита-восточных языков, и. о. адъюнкта, П. Я. Петров в 1856 г. был избран исполняющим должность экстраординарного профессора. В 1854 г. П. Я. Петров был утвержден почетным ординарным профессором Московского университета (после возведения его Петербургским университетом в звание «почетного доктора»). С 1864 г. П. Я. Петров трижды избирался (каждые пять лет) профессором кафедры Московского университета и вышел в отставку в 1875 г., за две недели до смерти.

Научных работ П. Я. Петров оставил мало. К. Г. Залеман, крупнейший русский иранист, в статье, посвященной Петрову²², насчитывает всего девятнадцать статей и заметок его. Из них только две отражают его многолетнюю работу по странам Ближнего Востока: «Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского Университета»²³, и актовая речь в Московском университете 12 января 1862 г. «Об арабском языке и литературе»²⁴. Эти две статьи с таблицами «важнейших алфавитов восточных языков» в юбилейном университетском издании²⁵,

²² «Русский биографический словарь», СПб., 1902.

²³ ЖМНП, 1837, т. XII, 2, стр. 548—555.

²⁴ «Отчет Московского университета за 1861 год».

²⁵ «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских», М., 1855.

текстом и переводом нескольких песен (в том числе арабских, персидских и калмыцких) в сборнике Н. Берга «Песни разных народов» составляют итог полувековой работы П. Я. Петрова в области арабо-персидско-турецкой филологии. Даже если включить в этот список санскритские публикации и заметки Петрова, остается впечатление несоответствия количества и содержания работ стажу и эрудиции автора.

Академик К. Г. Залеман отмечает, что П. Я. Петров — разносторонний лингвист, преподаватель, вдумчивый исследователь — не имел «дальнейшего влияния на успехи науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно»²⁶.

Суровый, но объективный отзыв! И все же для московского университетского востоковедения деятельность П. Я. Петрова имела важное значение. В числе учеников П. Я. Петрова, в той или иной степени обязанных ему своими первоначальными знаниями, достаточно назвать Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера, Ф. Ф. Фортунатова, Л. Э. Мсерианца и других.

Чтобы определить место П. Я. Петрова в истории восточной филологии в Московском университете, нужно представить себе этого ученого в его неповторимом своеобразии. Мы располагаем некоторыми, почти не использованными материалами, помогающими оживить скупые архивные данные о П. Я. Петрове.

Вот некоторые сведения о молодых годах П. Я. Петрова. П. Савельев (ученик Петрова в период его обучения в Петербурге) в своем очерке «Восточные литературы и русские ориенталисты»²⁷ отмечает, что Петров, «самоучкой» овладевший санскритом и обучавшийся арабскому, персидскому и турецкому языкам, предназначался в приемники Болдыреву.

В 1836—1837 гг. П. Я. Петров представил в академию два «описания» (каталога) персидских, арабских и турецких рукописей — по фондам Азиатского музея и Московского университета. Описания элементарны, непоследовательны и не вполне точны, но в 1836 г., когда только предварительно знакомились с богатейшими фондами Азиатского музея (коллекция Руссо), описание Петрова свидетельствовало о его опыте, эрудиции, владении языками. Его работы, конечно, уступают каталогам В. Р. Розена и К. Г. Залемана, но стоят не ниже уровня описаний Дорна (1859, 1864 гг.). И понятно, почему опи-

²⁶ «Русский биографический словарь».

²⁷ «Русский вестник», 1856.

сание рукописей Азиатского музея в свое время было представлено к опубликованию академиком Френем.

Л. З. Мсерианц, говоря в 1927 г. с автором настоящей статьи о Ф. Е. Корше, которого называли «русский Меццофанти»²⁸, заметил, что это прозвание было дано еще в 1864 г. П. Я. Петрову. Так он был назван в представленной в Совет Петербургского университета записке о присвоении П. Я. Петрову ученого звания доктора *honoris causa*.

Особо ценными для воссоздания подлинного живого образа П. Я. Петрова представляются материалы, опубликованные Н. В. Бергом²⁹. Н. В. Берг пишет о П. Я. Петрове как одном «...из самых замечательных русских ориенталистов», глубоком знатоке языков древних и новых. Берг отмечает замкнутый характер Петрова, который редко и неохотно появлялся в обществе, да и то «думал только о том, как бы удрать домой к своим Рамайянам». По словам Берга, оживлен и естествен Павел Яковлевич бывал только с людьми своей профессии.

Любопытны подробности быта Павла Яковлевича, которые приводит Берг. Петров жил на краю города, у Девичьего поля, в маленькой трехкомнатной квартирке со старухой матерью и двумя сестрами. Сам он занимал небольшую, всю заваленную книгами комнату. Н. В. Берг отмечает постоянную корректность Павла Яковлевича, всегда, даже при посещении близких людей, заменившего халат неизменным зеленым сюртуком.

Берг обратился к П. Я. Петрову в связи с подготовкой антологии «Песни разных народов». Благоклонно принятый Петровым, он в течение нескольких лет пользовался его консультациями и помощью при издании «Песен». Н. В. Берга поражала исключительная эрудиция П. Я. Петрова, его «большею частью в ту же минуту самый точный и определенный ответ».

Говоря об исключительной эрудиции Павла Яковлевича, Н. В. Берг приводит ряд ярких фактов, позволяющих представить себе эту колоритную фигуру востоковеда прошлого века. П. Я. Петров подходил к изучению языка, как бы стремясь сделать его своим вторым, пятым, десятым родным языком. «Преследование самого глубокого знания языков у Петрова, — пишет Берг, — шло всегда рядом с тончайшим изучением спо-

²⁸ Меццофанти, Джузеппе (1774—1849) — итальянский лингвист, профессор арабского языка в Болонье (1804), хранитель Ватиканской библиотеки (1838). Меццофанти говорил на 58 языках, и его имя стало у современников нарицательным для обозначения лингвиста-полиглота.

²⁹ «Русская старина», т. XVII, 1876, стр. 394—399. — Н. В. Берг (1824—1884) — питомец Московского университета, известный переводчик Байрона, Гёте, Шиллера и славянских поэтов, издатель антологии «Песни разных народов» (М., 1854).

соба писания того или другого народа». Петров не только отлично писал по-арабски, по-санскритски, по-персидски, по-турецки и т. д., но писал с соблюдением всех тонкостей, неуловимых порой оттенков, не подражая манере и способам письма араба, перса, китайца, а как бы перевоплощаясь в них. Разумеется, писал он не европейским пером или карандашом, а при помощи национальных письменных принадлежностей. Когда Н. В. Бергу захотелось дать в своем сборнике несколько китайских песен с текстом, Петров обещал ему написать текст, но сделал это только тогда, когда Бергу удалось выписать для него настоящие китайские кисти и тушь.

В особенности поражали Н. В. Берга экспромтные декламации Петровым старых арабских стихотворений из сборника «Хамаса», которые он читал так, как будто это были «стихотворения родных современных поэгов».

«Персидские песни сообщил мне все до одной Петров. Он знал по-персидски, как персианин, и сам говорил мне не раз, что персидский язык знаком ему, как кажется, более других», — продолжает Н. В. Берг.

«Просить, лазить, добиваться помощи у правительства или у частных лиц он не умел. Не такой был человек», — пишет Н. В. Берг.

Касаясь внутреннего облика П. Я. Петрова, Н. В. Берг приводит любопытную деталь: как-то, направляясь вместе с Бергом к А. Ф. Вельтману (тогда директору Оружейной палаты), Петров, будучи в хорошем настроении, молодцевато шагая по улице в своем зеленом сюртуке, вдруг сообщил своему спутнику, что «в молодости он был преотчаянный, любил испытывать природу и прострелил себе руку из пистолета...»

С другой стороны, Н. В. Берг отмечает у Петрова «консерватизм и необычайное смирение перед существующим порядком вещей». Например, Павел Яковлевич, сообщивший автору текст и перевод одной баскской песни, решительно отказался даже показать текст ее последнего куплета, где иронически говорится «о жандармах». Однако заключение Н. В. Берга о консерватизме Петрова едва ли обосновано. «Преотчаянный» в молодые годы Петров, друг «неистового Виссариона» и Н. В. Станкевича, был, вероятно, запуган аракчеевским режимом, потрясен судьбой, постигшей А. В. Болдырева.

Н. В. Берг и К. Г. Залеман пишут о личной библиотеке П. Я. Петрова, которую он с трудом и бесконечной любовью собирал всю свою жизнь. Эта библиотека, насчитывавшая около двух тысяч книг, перешла в собственность Московского университета.

Библиотека Петрова и сейчас находится в фондах Фундаментальной библиотеки им. А. М. Горького МГУ, в полной, по-видимому, сохранности. Для обследования ее потребуются соединенные усилия семитолога-арабиста, ираниста, тюрколога, санскритолога и китаиста³⁰. Сохранились два рукописных каталога П. Я. Петрова к его собранию.

Наследники П. Я. Петрова в русском востоковедении весьма строго подходили к оценке его научной квалификации. Мы уже приводили выше суровый отзыв К. Г. Залемана. В. Ф. Миллер, занимавшийся у Петрова персидским языком и санскритом, также указывал на методологические ошибки П. Я. Петрова, упрекая его, что он остался «вне нового лингвистического направления», «обнаружил незнакомство с сравнительной фонетикой» и т. д.

Разумеется, на современном уровне востоковедения научные работы, научные взгляды П. Я. Петрова кажутся наивными, неверными, устаревшими. Однако в историческом плане научной деятельности П. Я. Петрова можно дать далеко не столь строгую оценку. Пример этому мы находим в «Очерках русской арабистики» И. Ю. Крачковского, где он так отзывается о П. Я. Петрове:

«Не только историческое значение сохраняет его актовая речь 12 января 1862 г. „Об арабском языке и литературе“ — наиболее ценное его произведение в интересующей нас области. Она говорит об очень серьезном знании предмета и самостоятельном освещении отдельных моментов на основе первоисточников; иногда это освещение представляет интерес даже и теперь...»

* * *

Таков в общих чертах облик второго официального представителя восточной филологии в Московском университете.

После смерти П. Я. Петрова кафедра восточных языков не замещалась. Ф. Ф. Фортунатов — в известном смысле преемник П. Я. Петрова — работал уже на кафедре сравнительного (индоевропейского) языкознания. В Московском университете прекратилось преподавание восточных языков: арабского, персидского и турецкого.

Московское университетское востоковедение, возникшее в первые десятилетия существования Московского университета,

³⁰ Автор этих строк предварительно ознакомился в 1951—1952 гг. с библиотекой и рукописными каталогами-автографами П. Я. Петрова.

сформилось и получило реальное бытие в начале XIX в. в деятельности Болдырева и его учеников. Однако, если в Петербурге востоковедение получило блестящее развитие, то в Москве личная катастрофа А. В. Болдырева закономерно, в условиях николаевского жандармского режима, повлекла за собой развал и гибель кафедры восточных языков.

Восстановление кафедры в 1851 г., при определившейся первенствующей роли Петербурга, уже не могло возродить московской школы, тем более что практическое преподавание языков в Москве перешло в новый, Лазаревский институт восточных языков, где еще в 1869 г. в старших гимназических классах преподавал персидский язык «сам» П. Я. Петров. В 1872 г. «Специальные классы Лазаревского института» были выделены как высшее востоковедное учебное заведение с практическим уклоном. Разрыв научного и практического изучения восточных языков был определяющим моментом в истории московского востоковедения конца XIX и начала XX в. Дальнейшее развитие московского востоковедения определялось закономерным стремлением изжить этот разрыв, восстановить в стенах Московского университета преподавание восточных языков. Об этом свидетельствуют как многочисленные проекты возрождения восточной филологии в Московском университете, так и то обстоятельство, что почти все представители восточной филологии (вплоть до старшего поколения востоковедов-филологов наших дней) так или иначе связаны с Московским университетом, часто имея двойное образование: востоковедно-специальное и университетское. Принципиальное решение этот вопрос получил в наше время в связи с организацией Восточного отделения филологического факультета МГУ (1943 г.) и позднее (1956 г.) — Института восточных языков при МГУ.
